

На правах рукописи

Храброва Анастасия Валерьевна

**ПОЗДНИЙ ЛЕРМОНТОВ И РАННИЙ ДОСТОЕВСКИЙ:
ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ТВОРЧЕСКИХ СИСТЕМ**

10.01.01 – Русская литература

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Томск – 2017

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», на кафедре русской и зарубежной литературы.

Научные руководители: доктор филологических наук, профессор

Янушкевич Александр Сергеевич

доктор филологических наук, профессор

Лебедева Ольга Борисовна

Официальные оппоненты:

Ходанен Людмила Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет», кафедра истории и теории литературы и фольклора, профессор

Кошечко Анастасия Николаевна, доктор филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Томский государственный педагогический университет», кафедра литературы и методики ее преподавания, профессор

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук

Защита состоится 28 июня 2017 г. в 10 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.267.05, созданного на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36 (учебный корпус № 3 ТГУ, аудитория 26).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке и на сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» www.tsu.ru.

Автореферат разослан « ____ » мая 2017 г.

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте ТГУ:

<http://www.ams.tsu.ru/TSU/QualificationDep/co-searchers.nsf/newpublicationn/KhrabrovaAV28062017.html>

Учёный секретарь
диссертационного совета

Филь Юлия Вадимовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Проблема соотношения художественных систем М.Ю. Лермонтова и Ф.М. Достоевского определяется сложными процессами преемственности и полемики. Вопрос о сближении творчества двух художников был поставлен еще в начале XX века. Празднование 200-летнего юбилея со дня рождения Лермонтова в 2014 году, а также 195-летний юбилей со дня рождения Достоевского демонстрируют, что современное состояние лермонтоведения и достоевсковедения характеризуется концентрацией мысли, стремлением к обобщению существующих результатов и подведению некоторых итогов. Не случайно в 2013 г. было предпринято издание первых томов Полного собрания сочинений Достоевского, задуманного в 35 т. (до 2018 г.), а в 2014 г. было издано Собрание сочинений Лермонтова в 4 т.

На современном этапе филологической науки очевидно возникновение новых подходов к изучению творческого наследия Лермонтова и Достоевского. Наряду с гоголевской по отношению к Достоевскому и толстовской по отношению к Лермонтову парадигмами взаимодействия все больше внимания уделяется специфике соотношения и типологическому сходству творчества рассматриваемых писателей. Сближение двух творческих систем является принципиальным не только для выражения литературных процессов в ситуации эпохального слома, но и для осмысления индивидуальности художественного мышления позднего Лермонтова и раннего Достоевского. Творчество Лермонтова 1830–1840-х гг. определяло становление тенденций психологического анализа и «диалектики души», открывало экспериментирование в области жанра и нарративных стратегий, поднимало на новый уровень внимание к демоническому началу и внутренней жизни героя времени, оказавшегося в ситуации тупика: «”Эстетизация рефлексии” позволила автору “Героя нашего времени” создать особый стиль аналитического синтеза, вбирающего всё многообразие впечатлений бытия, пропущенных сквозь призму самосознающего субъекта. Естественные переходы от описаний, изложения событий, драматических сцен к рефлексии по их поводу и безотносительно к ним, всепроникающая мысль о герое и пространство его мысли – за всем этим открывались перспективы развития русской прозы вообще и русского романа в частности»¹. Эти тенденции во многом определили направление творческого движения молодого Достоевского.

В литературоведении существуют устойчивые формулы характеристики определенных периодов творчества писателя, содержащие эксплицитную хронологическую составляющую («ранний», «поздний» и др.), которая имплицитно подразумевает поэтологическое единство текстов данного

¹ Янушкевич А. С. История русской литературы первой трети XIX века : учебное пособие / А. С. Янушкевич. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. С. 591.

периода. В настоящем исследовании это имплицитное единство «позднего творчества» Лермонтова и «раннего творчества» Достоевского обозначено термином «творческая система», имеющем в виду совокупность связанных между собой феноменов, категорий и уровней поэтики, анализ которых позволяет выделить в творческих парадигмах указанных авторов разные уровни сближения, что имеет принципиальное значение для их соотношения. Творческие системы позднего Лермонтова и раннего Достоевского предстают как единство текстов определенного периода, диалогически связанных между собой типологией приемов повествования, сквозными героями, повторяющимися событиями, сходными сюжетными ситуациями² и т.п.

В решении проблемы творческого соотношения позднего Лермонтова и раннего Достоевского особое место занимает сравнительный анализ двух художественных систем, обусловливаемый необходимостью увидеть традицию одного художника в творчестве другого. Опираясь на достижения сравнительного, феноменологического и структурного подходов современного литературоведения, а также на уникальность и своеобразие связи художественных и личных миров позднего Лермонтова и раннего Достоевского, настоящее исследование призвано продемонстрировать системное сопоставление их творческих парадигм.

Актуальность диссертации определяется интенсивным изучением творчества рассматриваемых писателей и обусловлена тем, что исследование соотношения художественных миров позднего Лермонтова и раннего Достоевского позволяет выявить значимые результаты развития русской литературы одного периода и обозначить перспективы и ведущие тенденции последующего, что во многом связано с порубежным характером 1830–1840-х гг., переходом от поэзии к прозе, движением от романтизма к реализму, философскими и художественными сдвигами. Анализ такого типа способствует целостному научному осмыслению соотношения художественных систем позднего Лермонтова и раннего Достоевского и их индивидуальностей, а также отражает кризисную ситуацию времени, что служит определению закономерностей литературного процесса.

Проблема соотношения творчества позднего Лермонтова и раннего Достоевского до настоящего момента не была предметом специального исследования. При исключительном богатстве материала, посвященного изучению творческого наследия каждого из художников в отдельности, отсутствуют работы, целенаправленной установкой которых является системное и глубокое сопоставление позднего Лермонтова и раннего Достоевского, а также рассмотрение их творческих парадигм с целью

² Об этом см.: *Фридендер Г. М.* [Примечания] // *Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л., 1972. Т. 1. С. 461; Удодов Б. Т. М. Ю. Лермонтов. Художественная индивидуальность и творческие процессы / Б. Т. Удодов. Воронеж, 1973; Вацуро В. Э. О Лермонтове / В. Э. Вацуро. М.: Новое издательство, 2008. С. 579.*

выявления следов преемственности с одной стороны и закономерности с другой. Существующие исследования ограничиваются, как правило, одним или несколькими аспектами, будь то указания на типологическое сходство сюжетов и мотивов или изучение характера психологизма.

Кроме этого, актуальным является обращение к проблеме формирования и становления прозы Достоевского, к изучению ее истоков в русской литературе. В диссертационном сочинении осуществлена попытка исследования гораздо менее изученной по сравнению с гоголевской – а именно, лермонтовской – традиции в творчестве раннего Достоевского.

Позднее творчество Лермонтова в соотношении с творчеством раннего Достоевского в свою очередь представляется здесь как система, заложившая основу для нового направления и целого ряда явлений последующей литературы. Подобное изучение проблемы преемственности и полемики в русской и зарубежной литературе позволит рассмотреть закономерности развития литературного процесса на макроуровнях.

Объектом данного исследования являются поздние тексты М.Ю. Лермонтова и ранние тексты Ф.М. Достоевского. **Предмет** исследования – характер соотношения творчества позднего Лермонтова и раннего Достоевского, его основные репрезентанты и принципы преемственности.

Материалом послужили поздние прозаические произведения М.Ю. Лермонтова (1836-1841): «Княгиня Лиговская» (1836), «Я хочу рассказать вам» (1836), «Герой нашего времени» (1837-1840), «Кавказец» (1841), «Штосс» (1840-1841), поэмы: «Сказка для детей» (1839-1841), «Демон» (1829-1839), для ряда положений была привлечена «Панорама Москвы» (1834); и ранняя проза Ф.М. Достоевского 1846-1859 гг.: «Бедные люди» (1846), «Двойник» (1846), «Господин Прохарчин» (1846), «Роман в девяти письмах» (1847), «Хозяйка» (1847), «Ползунков» (1848), «Слабое сердце» (1848), «Честный вор» (1848), «Елка и свадьба» (1848), «Белые ночи» (1848), «Маленький герой» (1857), «Дядюшкин сон» (1859).

Помимо художественных прозаических текстов и поэм в качестве материала исследования были привлечены публицистика Достоевского и письма писателей, позволяющие проследить динамику нарративных стратегий и рецептивного влияния. Выбор текстов обусловлен спецификой соотношения художественных систем позднего Лермонтова и раннего Достоевского и отражением лермонтовской художественной и психологической традиции в творчестве раннего Достоевского.

Степень разработанности проблемы.

Подходы к изучению связей творчества Лермонтова и Достоевского были намечены в начале XX века. Заявленная проблема представляет собой малоизученную область в современном литературоведении. Анализ подходов к рассмотрению соотношения творчества Лермонтова и Достоевского позволяет

выделить ряд направлений и аспектов изучения данного вопроса в существующих научных исследованиях.

Восприятию и развитию Достоевским психологизма и героя лермонтовского типа уделяется большое внимание (А.И. Журавлева, М.Г. Гиголов, Г.М. Фридлендер). В исследовательской традиции этот аспект сопоставления зачастую выходит на первый план. Г.М. Фридлендер проследил развитие приема «микроскопического» анализа³ внутренней жизни героев в русской литературе, начиная от творческих опытов XVIII (Радищев, Карамзин) и заканчивая 30-ми гг. XIX, – временем укрепления психологизма в прозе. Открытие Лермонтова Г.М. Фридлендер увидел в использовании психологического анализа «души» героя, охваченной извечными борениями двух абстрактных начал. Принципиальным является обращение А.И. Журавлевой⁴ к изучению природы лермонтовского психологизма, который объединял в себе по принципу взаимообусловленности психологическое и интеллектуальное начала. Именно такой тип психологизма, по мнению А.И. Журавлевой, был воспринят и развит Достоевским.

Несмотря на это, взгляды исследователей расходятся при определении типа направления, в русле которого развивалось творчество Достоевского. Речь идет о восприятии Достоевского как последователя Н.В. Гоголя или Лермонтова. А.С. Долинин определял Достоевского как «талантливейшего представителя» гоголевского направления. В противовес этой позиции можно привести мнения ряда исследователей, считающих Достоевского преемником поэтики Лермонтова. М.Г. Гиголов в статье «Лермонтовские мотивы в творчестве Достоевского» видит в своеобразии художественного психологизма Достоевского развитие «основных принципов психологической поэтики Лермонтова»⁵. М.Г. Гиголов называет Достоевского учеником Лермонтова, а не Гоголя. В.Я. Кирпотин и А.И. Журавлева также определяют Достоевского как наследника романтического, психологического направления.

В работах В.В. Виноградова, А.И. Журавлевой, Э.Э. Найдича, И.С. Чистовой исследуется вопрос о творческом методе, обозначившем процесс перехода традиции от Лермонтова к Достоевскому. В.В. Виноградов указал на так называемый «двуметод», положенный в основу повести Лермонтова «Штосс», суть которого заключалась в синтезе натуралистических (петербургская «физиология») и романтических мотивов. Исследователь считает, что подобный опыт Лермонтова мог послужить для Достоевского образцом объединения этих начал, что и проявилось в его ранней повести

³Фридлендер Г. М. Лермонтов и русская повествовательная проза // Русская литература. 1965. № 1. С. 33–50.

⁴Журавлева А. И. Лермонтов в русской литературе. Проблемы поэтики / А. И. Журавлева. М., 2002. С. 227–239.

⁵Гиголов М. Г. Лермонтовские мотивы в творчестве Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1985. Т. 7. С. 64.

«Хозяйка». Вслед за В.В. Виноградовым Э.Э. Найдич указывал на связь поздних произведений Лермонтова с передовыми идеями эпохи, подготовившими развитие «натуральной школы». Изучение тенденций «натуральной школы» в творчестве Лермонтова в соотношении с ранними повестями Достоевского подробно освещено И.С. Чистовой в статье «Прозаический отрывок М.Ю. Лермонтова “Штосс” и “натуралистическая повесть” 1840-х гг.».

Конец XX – начало XXI в. отмечаются разнообразием направлений и аспектов сближения творчества Лермонтова и Достоевского. Статьи А.П. Валагина и М.Г. Гиголова решают мотивные проблемы, касающиеся отношений преемственности между творчеством Лермонтова и Достоевского. Работы А.И. Журавлевой и Э.Г. Герштейн содержат важные наблюдения над непосредственным влиянием самой судьбы Лермонтова на сюжеты, образы и психологические мотивировки в творчестве Достоевского. Э.Г. Герштейн⁶, используя факты биографии Лермонтова и опираясь на творческие поиски Достоевского, проводит интересные параллели между поворотным событием судьбы (дуэль) Лермонтова и образами, сюжетными линиями, психологическими мотивировками в произведениях Достоевского, что подчеркивает интерес Достоевского к личности и творческому наследию Лермонтова.

Исследования представителей воронежской школы А.А. Фаустова и С.В. Савинкова позволяют проследить развитие типа героя в русской литературе и обнаружить в ранних героях Достоевского черты и особенности, восходящие к гоголевскому и лермонтовскому началам. Родство поздних героев Лермонтова с ранними героями Достоевского обусловило активное постижение процессов самосознания героев и их экзистенции. Пограничность существования героев не только является объединяющим признаком, но и способствует постановке «болевых» вопросов при встрече героя с собственной экзистенцией, со своим Я⁷ (А.Н. Кошечко).

Особенно значимым для диссертационного сочинения выступает то, что В.Н. Топоров впервые определил художественную разработку Лермонтовым петербургской темы как важное открытие нового «провиденциального» пространства города. Это явилось существенным этапом в осмыслении и дальнейшем развитии хронотопа Петербурга и Петербургского текста у раннего Достоевского.

Одной из самых острых проблем, но менее изученных является проблема демонизма, природу которого в поздних текстах Достоевского (время создания «Великого пятикнижия») соотносят с демоническим сознанием в творчестве Лермонтова. Е. Логиновская видит в Достоевском прямого последователя

⁶Герштейн Э. Г. Судьба Лермонтова / Э. Г. Герштейн. М., 1986. С. 75–322.

⁷Кошечко А. Н. Формы экзистенциального сознания в творчестве Ф.М Достоевского : дис. на соиск. учен. степ. д-ра филол. наук / А. Н. Кошечко. Томск, 2014. С. 48.

Лермонтова в развитии демонического комплекса, обусловившего постановку в реалистической прозе середины XIX века «вечных вопросов» и возникновение духовных исканий героя⁸. Современное лермонтоведение богато исследованиями, посвященными изучению образа демона и проблемы демонизма: работы М.П. Гребневой, А.И. Журавлевой, Е. Логиновской, М.Л. Нольмана, В. Паперного, И.Б. Роднянской, Л.А. Ходанен и мн. др. Однако достоевсковедение отличается тем, что изучение демонического комплекса Лермонтова и его традиции зачастую ограничивается лишь романном творчеством Достоевского, при этом акцентируется только полемический характер этой традиции.

Цель настоящего диссертационного исследования состоит в выявлении своеобразия и особенностей соотношения творческих систем позднего Лермонтова и раннего Достоевского на основе выделения объединяющих начал и категорий, а также в осмыслении специфики преемственной связи Лермонтова и Достоевского.

В соответствии с целью диссертационного сочинения в нем ставятся следующие **задачи**.

1. На основе выявления конкретных упоминаний личности и творчества Лермонтова и обращений к его текстам в наследии Достоевского определить характер восприятия Достоевским личности предшественника и отношение к его творчеству.

2. Рассмотреть позднее творчество Лермонтова и раннее творчество Достоевского как целостные художественные системы.

3. Сравнить творческие системы позднего Лермонтова и раннего Достоевского в нарративном аспекте.

4. Обосновать прием монтажного построения как определяющий для осуществления перехода от классической структуры повествования к новому типу наррации и как ключевой для творческих систем позднего Лермонтова и раннего Достоевского.

5. Изучить жанровые принципы позднего творчества Лермонтова и раннего творчества Достоевского и продемонстрировать их особенности на основе сравнительного анализа жанрового своеобразия повестей «Штосс» и «Хозяйка».

6. Определить значение хронотопа и выделить центральные феномены пространственно-временных отношений в творческих парадигмах позднего Лермонтова и раннего Достоевского.

7. Проследить динамику процессов самосознания и рефлексии героев позднего Лермонтова и раннего Достоевского и обосновать концепт «демонизма» как репрезентант преемственности творчества Лермонтова и Достоевского, сформировавший психологический тип сомневающегося, трагического, противоречивого героя.

⁸ Логиновская Е. Поэма М. Ю. Лермонтова «Демон» / Е. Логиновская. М., 1977. С. 114.

Методология исследования. Рассмотрение традиции позднего творчества Лермонтова и особенностей ее функционирования у раннего Достоевского обуславливает применение историко-литературного метода исследования. Выявление характера соотношения двух творческих систем диктует необходимость обращения к сравнительно-типологическому методу. Исследование жанровой, нарративной специфики поздних текстов Лермонтова и ранних текстов Достоевского определяет использование системно-структурного анализа художественных произведений.

В работе сочетаются несколько методологических и теоретических направлений, применяемых в зависимости от поставленных задач. Формальный аспект проблемы соотношения двух творческих систем осмысливается в нарративном плане (Ю.Н. Тынянов, В.Б. Шкловский, В. Шмид). Стремление к циклизации (В.Г. Белинский, А.С. Янушкевич), «диалогу текстов и позиций», ансамблевости (В.С. Киселев, А.В. Михайлов), синтезу прозаического и лирического начал (Ю.Б. Орлицкий, И.А. Поплавская) подготавливало возникновение большой романной формы. При изучении жанровой поэтики исследуемых текстов были использованы работы русских и зарубежных историков литературы (О.Г. Дилакторская, В.Н. Захаров, Ф.З. Канунова, О.Б. Лебедева, В.М. Маркович, И.С. Чистова, А.С. Янушкевич, V. Terras и др.). Обращение к специфике соотношения позднего творчества Лермонтова и раннего творчества Достоевского с точки зрения хронотопа (М.М. Бахтин, Д.С. Лихачев) требовало детализации и выделения Петербургского текста как ключевого феномена (Н.П. Анциферов, Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров). Это обусловило и обращение к трудам в области феноменологии и семиотики (М.М. Бахтин, Ю.М. Лотмана, Г. Башляр). Постигание проблемы героя и демонического комплекса выдвинуло проблему психологизма и «диалектики души» (Л.Я. Гинзбург, О.Н. Осмоловский, Н.Г. Чернышевский). В качестве теоретической базы использовались работы по изучению поэтики творчества Лермонтова (В.Г. Белинский, В.Э. Вацуро, А.И. Журавлёва, Е. Логиновская, В.А. Мануйлов, Б.Т. Удодов, Т.Т. Уразаева, Л.А. Ходанен, И.С. Чистова, Б.М. Эйхенбаум и мн. др.) и Достоевского (М.М. Бахтин, Л. Гроссман, О.Г. Дилакторская, А.С. Долинин, Э.М. Жиякова, В.Н. Захаров, В.Я. Кирпотин, А.Н. Кошечко, А.А. Казаков, В.С. Нечаева, Е.Г. Новикова, Г.М. Фридлендер, V. Terras и др.).

Научная новизна исследования обусловлена тем, что в нем впервые системно рассмотрен вопрос о сближении двух значимых фигур русской литературы рубежа эпох и их наследия. Традиционно соотношение художественного творчества Лермонтова и Достоевского осуществлялось на материале отдельных произведений и зачастую с использованием позднего романного творчества Достоевского и романа Лермонтова «Герой нашего времени». В данной работе к анализу привлечены позднее творчество Лермонтова и раннее творчество Достоевского как целостные художественные

системы, что позволяет актуализировать переломный момент в развитии русской литературы на разных уровнях. Скорректирована проблема большинства предшествующих работ, заключающаяся в неполноте привлекаемого к анализу материала. Впервые раскрыта проблема рецепции и преемственности, а также определен характер и значение влияния Лермонтова на Достоевского на основе анализа обращений и упоминаний личности и творчества Лермонтова в творчестве Достоевского. Вместе с тем, была существенно расширена область сопоставительного анализа: выделены категории, репрезентативно проявляющие связи между творческими парадигмами позднего Лермонтова и раннего Достоевского; отдельно рассмотрены жанровая специфика, проблема хронотопа, героя и демонизма, нарративные стратегии с детальным изучением такого повествовательного принципа, как монтаж, способствовавшего возникновению особого синтеза и новых форм психологического анализа, принципиальных для творческих систем Лермонтова и Достоевского.

Теоретическая значимость работы заключается в создании научной картины соотношения позднего творчества Лермонтова и раннего творчества Достоевского, в выявлении особенностей рецепции одного художника другим, в обосновании степени влияния Лермонтова как предшественника на молодого Достоевского. Данное исследование позволяет конкретизировать момент перелома в русской литературе XIX века, порубежный характер эпохи 1840-х гг. и высветить результаты одного периода и новые качества последующего. Это теоретически значимо в исследовании закономерностей литературного процесса в целом в моменты слома историко-литературной парадигмы. Выявленные особенности и принципы сближения двух художественных систем могут служить основой изучения проблемы преемственности в русской и зарубежной литературе разных периодов на макроуровнях литературного процесса.

Научно-практическая значимость диссертационного исследования определяется возможностью использования материалов диссертации в разных сферах научной и педагогической деятельности: для исследования творчества М.Ю. Лермонтова и Ф.М. Достоевского, при подготовке основных и специальных курсов по истории русской литературы XIX века, в работе спецсеминаров, а также в эдиционной практике.

Положения, выносимые на защиту.

1. Личность Лермонтова и его литературное наследие оказали существенное влияние на сознание и творческие поиски молодого Достоевского. Отношение Достоевского к Лермонтову амбивалентно: от насмешек, явной непримиримости и полемики до восторженных отзывов о таланте Лермонтова.

2. Соотношение творческих систем позднего Лермонтова и раннего Достоевского выявляет состояние эпохального рубежа и акцентирует

переломный момент русской литературы 1830–1840-х гг., что в общих закономерностях литературного процесса определяет результаты одного периода ее развития и демонстрирует новые качества последующего.

3. Системность художественных миров позднего Лермонтова и раннего Достоевского обусловлена тесной связью входящих в них элементов, спецификой взаимоотношений «целого» и «отдельного», моделирующих единство и ансамблевость внутри каждого из этих миров, и определяется совокупностью феноменов, категорий и уровней поэтики, анализ которых позволяет выделить точки сближения творческих парадигм.

4. Монтаж, как универсальный прием разных видов искусств, в силу своей подвижности и процессуальности позволяет осуществлять поиски в области нарративных построений, способствует сочетанию разных смыслов, психологизации формы и возникновению неожиданных рекомбинаций частей, в результате чего рождается новое целое.

5. Жанровое своеобразие произведений позднего Лермонтова и раннего Достоевского является результатом экспериментов и консолидации разных жанровых моделей в пределах одного текста: поэтика повестей «Штосс» и «Хозяйка», будучи показательной для общего состояния развития прозы в переходную эпоху, раскрывает глубокие процессы создания синтетической формы, принципиальной для особой природы русского романа.

6. Хронотоп в творческих системах позднего Лермонтова и раннего Достоевского выражает состояние переходности, сомнений, неустойчивости мира и человека на рубеже эпох, ключевыми репрезентантами сближения двух парадигм при этом выступают «Петербургский текст» и темпоральная единица «минута». Соотношение двух систем скрепляется миромоделирующей функцией петербургского хронотопа, «минута» же в ситуации «бездвременья» выступает в качестве фокусирующего временного отрезка, способствует фиксированию психологического состояния героев и выражает степень эмоционального напряжения.

7. Лермонтовская традиция демонизма как философско-психологического феномена расширяет пространство своего бытования у раннего Достоевского. Очеловеченный демонизм Лермонтова демократизируется в творчестве раннего Достоевского, осложняясь трагизмом демонической личности, не знающей середины, устремленной к крайностям. Демонизм раннего Достоевского обретает масштаб особого психологического типа и в общей системе фантастического реализма 1840–1850-х гг. становится «идеей и формой времени».

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования были изложены в докладах на восьми международных и всероссийских научных конференциях: XII, XIII, XIV Всероссийских конференциях молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томск, 2011, 2012, 2013 гг.), а также I (XV), II (XVI) и

III (XVII) Международных научно-практических конференциях молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томск, 2014, 2015 и 2016 гг.); 51-ой Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» (Новосибирск, 12-18 апреля 2013 г.) и 54-ой Международной научной студенческой конференции МНСК-2016 (Новосибирск, 16-20 апреля 2016 г.).

По теме диссертации опубликовано 12 работ, среди них 4 статьи в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура диссертационной работы обусловлена ее целью и задачами и включает в себя введение, пять глав, заключение, список использованных источников и литературы (207 наименований) и три приложения. Общий объем диссертации 206 с.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновываются выбор темы исследования, ее актуальность и научная новизна, излагается история вопроса, характеризуются объект и предмет анализа, определяются цель и задачи исследования, описывается его методологический инструментарий, раскрываются теоретическое значение и практическая значимость работы, формулируются положения, выносимые на защиту.

Первая глава **«Лермонтов-личность и Лермонтов-художник в сознании Достоевского»** посвящена проблеме преемственности и полемики художественных систем позднего Лермонтова и раннего Достоевского, которая рассматривается на основе исследования влияния и отражения в творческом сознании Достоевского лермонтовской личности и творческих поисков.

В параграфе **1.1 «Общая картина обращения Достоевского к Лермонтову»** вводится представление о литературной связи Достоевского с Лермонтовым и личном интересе Достоевского к предшественнику, проявлявшемся на протяжении всей его жизни. Раскрытие внутреннего мира личности привело не только к парадигмальным изменениям на рубеже 1830–1840-х гг., но и к возникновению нового метода самоанализа, позволившего отойти от рационалистических приемов прошлого. Процесс самоанализа связал две литературные эпохи и лег в основу целого литературного направления, у истоков которого стоял Лермонтов. В творчестве Лермонтова и Достоевского он является определяющим. Отзывчивость к происходящему, реакция на существующее мироустройство и стремление определить в нем место человека (найти «героя времени»), его роль и «боренье дум» обуславливают смысловую совокупность аспектов, которые лежат в основе сопоставления двух фигур Лермонтова и Достоевского и их творческих парадигм.

Интерес Достоевского к Лермонтову проявился рано – первые впечатления относятся к 1840 г. И если фигура А.С. Пушкина всегда была для Достоевского образцом, то отношение к Лермонтову было амбивалентным. Характер влияния и отражения творческих поисков и судьбы Лермонтова в произведениях раннего Достоевского определяется как постоянный и имманентный в своей основе.

Первая прямая цитация Лермонтова встречается в ранней повести Достоевского «Белые ночи» (1848). 1860–1870-е гг. в творчестве Достоевского можно обозначить как период активного аналитического и художественного осмысления биографии Лермонтова и его творчества. Последнее высказывание Достоевского о Лермонтове зафиксировано всего за полгода до смерти писателя и носит восторженный характер. В целом в рецепции Достоевского можно выделить две сферы: восприятие Достоевским личности Лермонтова, его интерес к аспектам его судьбы, и восприятие самого творчества Лермонтова, трансформация образов и мотивов.

Параграф **1.2 «Личность Лермонтова в восприятии Достоевского»** посвящен восприятию Достоевским личности Лермонтова, которое было амбивалентным: с одной стороны, Достоевский весьма язвительно отзывался о внешности Лермонтова, делая его «неказистость» предметом собственных размышлений и насмешек, а также как бы «отгораживался» от поэта, отмечая в его творчестве пагубное влияние и непримиримость («тяжело, и досадно, и грустно»), с другой – не переставал восхищаться талантом юного предшественника, мастерством его слова и гениальностью мысли.

Непростой характер судьбы поэта, всеобщее внимание, а также исключительно узкий круг лиц, знавших Лермонтова близко, способствовали созданию своеобразных мифов о его личности, жизни и даже внешнем облике. Творчество Лермонтова приобрело автобиографический аспект в сознании его современников и Достоевского (главные герои байронических поэм, драмы «Маскарад», романа «Герой нашего времени» представлялись Достоевскому отражением биографии и внутреннего мира самого Лермонтова). Как и для многих людей его эпохи и последующего времени, Лермонтов был труден и для Достоевского. Обособление двух «демонов» (Н.В. Гоголя и М.Ю. Лермонтова) в ходе размышлений над природой русского человека в «Ряде статей о русской литературе» (1861) говорит не только об индивидуальности Лермонтова и его пути, но и о его исключительной значимости для Достоевского.

Восприятие Достоевским Лермонтова осложнялось не столько «байронизмом» (Достоевский объяснял его внешними недостатками Лермонтова), сколько «дурным» началом (в 1876 г. в «Дневнике писателя» Достоевский отдельно размышлял о «дурных» и «дрянных» людях). Развитие крайнего индивидуализма породило таких героев, как Демон, Арбенин, Печорин, – предмет полемики Достоевского. Развитие идеи жизни «для себя» у Лермонтова привело к пониманию психологии преступления, которая была

развита Достоевским. Всё это сформировало своеобразный демонический комплекс Лермонтова в отношении Достоевского. Знаменательный во многом 1840-й год, война и Кавказ не только сблизили Лермонтова с народом и изменили его представление о «немытой» России на представление о Родине, но и привели к преодолению Лермонтовым идеи индивидуализма. Это стало причиной размышлений Достоевского о народности Лермонтова, в которой он видел выход для всего творчества предшественника.

Несмотря на то что идеи Лермонтова строились на борьбе противоположностей, полярное разведение элементов, входящих в сферу его понимания (соединение Запада и Востока, добра и зла, поэта и толпы и т.д.), было нацелено на равное их осмысление, что в конечном итоге привело к самому Достоевскому, а Лермонтов явился прямым его предшественником. Неоднозначное отношение Достоевского к Лермонтову во многом было продиктовано тем, что во времена Достоевского всё еще господствовала позиция либеральной критики по отношению к Лермонтову, которая накладывала цензурные запреты. Повлияло и то, что материал о самом Лермонтове чрезвычайно беден, а отзывы его современников и знакомых различны и несходны между собой.

Важно, что интерес к лермонтовской судьбе, личности, ее загадкам стал поводом для многих творческих исканий Достоевского, чему посвящен параграф **1.3 «Творчество Лермонтова в рецепции Достоевского (круг проблем творчества Лермонтова, осмысляемых Достоевским)»**. Здесь дается представление об обращении и использовании Достоевским произведений Лермонтова в своем творчестве (цитаты и аллюзионные переключки). Например, большой процент цитирования (точного и неточного) Достоевским Лермонтова приходится на лирику. Достоевский обращается к таким стихотворениям, как «Они любили друг друга так долго и нежно», «Дума», «Сон», «Журналист, читатель и писатель», «Бородино», «Не верь, не верь себе, мечтатель молодой», «1-е января», «И скучно и грустно», и некоторым другим.

Вместе с тем выделяется ряд проблем творчества Лермонтова, привлекавших внимание Достоевского в большей степени. К ним относятся: анализ души современного человека, крайний индивидуализм (повышенное чувство личности), демонизм печоринского типа, «идеологизирующие» герои, байронизм, народность (в произведениях «Бородино», «Кавказская пленница», «Песня про купца Калашникова» Достоевский видел то, что придавало бы осмысленность всему пути Лермонтова). Достоевский, размышляя над судьбой и творчеством своего предшественника, сумел уловить основные противоречия его характера и таланта и увидеть назначение его творческого гения.

Во второй главе **«Проблема миромоделирования в творческих системах позднего Лермонтова и раннего Достоевского»** выделяются основные черты

художественных миров позднего Лермонтова и раннего Достоевского и точки их сближения.

В параграфе 2.1 «Особенности творческой системы позднего Лермонтова» рассматриваются ключевые черты позднего творчества Лермонтова и принципы, объединяющие поздние произведения в систему. Переходный период в русской литературе 1830–1840-х гг. обусловил существенные изменения в позднем творчестве Лермонтова: переход от стихотворных произведений через драматические опыты к прозе, поиски жанра, героя, метода, эксперименты и опыты в области нарративных стратегий.

Взаимодействие поэтического и прозаического начал у Лермонтова проявлялось на протяжении всей его творческой деятельности. Стремление Лермонтова к разворачиванию в текстах такой мысли, которая не вписывалась в известные стихотворные формы, привело к экспериментам с ними и переходу к «лирической прозе». О замысле первого большого повествовательного произведения Лермонтов сообщил в 1832 г. в письме к М.А. Лопухиной. Центральной задачей для него становится именно «из-влечение»⁹ из души как таковое, что предполагало не застывший результат, а процессуальность выражения того, что «извлекается». Проза же давала широкое поле для процессуального отображения живой мысли, и лирические монологи раннего творчества перешли в дневниковую форму в позднем. Стремление к разворачиванию собственной мысли обусловило поиски новых форм. Все художественные системы, формы, в которых работал Лермонтов, оказываются связаны друг с другом. Взаимосвязь элементов (отдельных произведений) создает представление о лермонтовском творчестве как о едином мире или тексте (тесная связь стихотворений и поэм; переходы одних и тех же героев из одного произведения в другое: Арбенин – «Маскарад», «Я хочу рассказать вам», «Странный человек», Печорин и Лиговская – «Княгиня Лиговская», «Герой нашего времени», Тамара – «Демон», баллада «Тамара»; формальные совпадения фрагментов текста; совпадение ситуаций, мотивов, образов и др.). Ряд произведений имеет так называемые тексты-предшественники, представляющие собой разработку тех или иных тем, образов, либо начало воплощения замысла, не обретшего своей формы: поэма «Демон» и предшествующие ей стихотворения; «Я хочу рассказать вам» и драма «Маскарад» (с точки зрения развития судьбы главного героя – Арбенина); «Кавказец», «Штосс» развивают натуралистическое, очерково-физиологическое начало романа «Княгиня Лиговская» и др.

⁹ Представленная форма написания слова «из-влечение» является принципиальной, поскольку выделение приставки акцентирует движение изнутри наружу и определяет необходимый предел, до которого доводится действие. Этот предел неизбежно ставит проблему целого и отдельного, столь значимую для соотношения творческих систем позднего Лермонтова и раннего Достоевского.

Позднее творчество Лермонтова отличается: эклектичностью (соединение разнородных мотивов, методов, жанров; воплощение сразу нескольких художественных задач в пределах одного произведения – наиболее эклектичны «Княгиня Лиговская» и «Штосс»), метризацией прозаической речи (ритмизована композиция «Героя нашего времени», в чем выражается «музыкальность» романа), незаконченностью многих произведений (это связано с установкой на изображение человеческой личности, движений ее души, а также с принципиальным несовпадением замысла и формы, в которой Лермонтов начинал его воплощение), миниатюризацией.

Отдельно исследуются позиции автора-повествователя в плане диегезиса и экзегезиса (авторское «я» почти всегда эксплицитно выражено), степень его присутствия в тексте произведения, что определяет автономность или включенность текста в некое большое целое (в ряде случаев текст задумывался как цельное произведение, но воплотился лишь в форме отрывка: «Вадим», «Я хочу рассказать вам», «Княгиня Лиговская» или являлся самостоятельным отрывком, очерком, но имел установку на «из-влечение» из какого-либо источника: «Панорама Москвы», «Кавказец»).

Параграф 2.2 «Особенности творческой системы раннего Достоевского: нарративный аспект проблемы “целого” и “отдельного”» посвящен изучению ключевых черт раннего творчества Достоевского. Начало творческого пути Достоевского, как и у Лермонтова, было связано со стихотворными и драматическими опытами. Переход к прозе был сознательным шагом самого Достоевского, о чем он не раз писал в письмах к брату М.М. Достоевскому. На раннем этапе, когда поиски «своей» формы у Достоевского особенно остро ощущаются, очевидным становится стремление к возможному объединению повестей и рассказов в целое или в «повествовательный цикл» (Г.М. Фридлендер). Как и в позднем творчестве Лермонтова, персонажи ранних повестей Достоевского переходят из одного произведения в другое (например, Емельян Ильич, Юлиан Мастакович).

Проблема «целого» и «отдельного» особенно важна с точки зрения определения того, как выстраивался художественный мир в творчестве раннего Достоевского. Художественное осмысление и воплощение не целого, а отрывков из целого говорят о стремлении автора сосредоточиться на определенном значимом фрагменте, что являет собой способ собирания действительности, способ разобраться в мире. Авторские подзаголовки эксплицитно выражают отношения «целого» и «отдельного» и делятся на два вида: одни указывают на авторское обозначение жанра, другие представляют так называемый источник происхождения произведения («Из записок неизвестного», «Из мордасовских летописей» и т.д.). Подзаголовки, начинающиеся с предлога «из», характеризуют сами произведения как отрывки, части целого, как то, что было «из-влечено», а также указывают на достоверность того, о чем сообщается. Установка на то, чтобы дать не целое, но

значимую часть, обусловила проблему взаимоотношения автора и повествователя и поиск форм психологического анализа. В параграфе исследуются повествовательные формы (от лица «я», «мы»), тип участия автора: наблюдатель («Ползунков», «Слабое сердце», «Честный вор», «Елка и свадьба», «Маленький герой») или участник и очевидец, степень самопрезентации автора (ярче выражена в «Слабом сердце») и др. В мире раннего Достоевского наличие/отсутствие повествовательного «я» способно как объединять, так и обособлять исключительное. Для решения проблемы «целого» и «отдельного» анализируется сфера номинаций героев в ранних повестях и способы обращения к читателям или слушателям, что позволило проследить степень включения/невключения воспринимающего сознания в кругозор автора-рассказчика или героя-автора (важны обращения героя к другим героям, являющимися его реципиентами).

В третьей главе **«Нарративные стратегии и жанр в позднем творчестве Лермонтова и раннем творчестве Достоевского»** внимание уделено формальному аспекту сближения позднего творчества Лермонтова и раннего творчества Достоевского. На материале повестей «Штосс» и «Хозяйка» исследуются процессы жанрового поиска и создания синтетической формы.

Творческие поиски позднего Лермонтова и раннего Достоевского сопровождались синтезом традиционных и новаторских явлений. В параграфе **3.1 «Монтаж как ключевая особенность повествования»** демонстрируется нарушение классической структуры повествования через использование нарративных стратегий. Ключевым приемом повествования и результатом синтеза явился монтаж. Монтажный принцип – креативный акт поиска нарративных стратегий, на основе которого в произведениях позднего Лермонтова и раннего Достоевского осуществляется сочетание, столкновение и сопоставление разных единиц текста и смыслов, в результате чего рождается новое содержание. Такой принцип является неперенным свойством художественного сознания, на нем основаны выразительные возможности всех искусств. Монтаж в творчестве позднего Лермонтова и раннего Достоевского представляет собой прием, который устремлен к собиранию целого из отдельного, способствует психологизации формы и возникновению неожиданных рекомбинаций частей, играет важную роль в организации диалогизма и позволяет форме обрести содержательность.

Творчество позднего Лермонтова и раннего Достоевского отличает стремление разобраться в мире, его процессах и взаимоотношениях с человеком. Дисгармоничная, дробная картина мира порождает неожиданные соединения разных элементов этого мира, необъяснимость причинно-следственной основы событий. Принцип рекомбинации выражается на событийном и повествовательном уровнях и проявляется почти во всех произведениях позднего Лермонтова и раннего Достоевского.

Монтажные принципы и приемы (1) используются при сжатии/расширении пространственно-временных границ (определяет общую деформацию времени и порождает несоразмерность отдельных частей текста – в повести Лермонтова «Штосс», в «Хозяйке» и «Белых ночах» Достоевского это связано с тем, что центральными выступают герои-мечтатели); (2) организуют ритм повествования (смена планов повествования, точек зрения, двоение действительности, персонажей в «Двойнике», раздвоение авторства в «Честном воре» и «Ползункове», совмещение контрастных версий событий в «Слабом сердце»); (3) способствуют вводу событий «вдруг», что дробит структуру текста (возникает «подвижность материала») и нарушает естественный ход жизни героя; (4) определяют возникновение синтетических форм (Лермонтов тяготеет к «ансамблевости» в «Герое нашего времени» и «Штоссе», Достоевский активно использует подзаголовки, начинающиеся с предлога «из»); (5) определяют границы переходов от одних форм к другим (через разделение экзегетического и диегетического планов – в «Герое нашего времени», «Честном воре», «Елке и свадьбе», «Маленьком герое»); (6) объединяют контрастные мировоззренческие взгляды, что эксплицитно выражает процессы самосознания героев и способствует психологизации формы.

Особенность произведений позднего Лермонтова и раннего Достоевского состоит в «содержательности формы» (М.М. Бахтин), возникающей посредством приема монтажа. Усилению монтажности текстов Лермонтова и Достоевского послужила категория случайности, чему посвящен параграф **3.2 «Категория случайности. “Вдруг” Лермонтова и Достоевского».**

Случай – феномен неожиданности и новизны – стал необходимой «идеей времени» 1830–1840-х гг., знаменовавших собой переход от старой действительности к новой. Проблема случайности и судьбоносного случая в творчестве обоих художников рассматривается как важная философская проблема эпохи, спровоцировавшая возникновение особого типа героев, ознаменовавшая начало процессов самосознания и психологизации событий, а также как проблема, положившая начало поискам новых повествовательных приемов и способов выражения неожиданных событий (в формальном плане проявляется с помощью отрывочного построения, фрагментации, монтажности, немотивированного сцепления событий). В качестве эксплицитного понятия категории случайности выделяется слово «вдруг», ломающее сюжетный ряд, вводящее важное психологическое осмысление происходящего («Штосс», «Княгиня Лиговская», «Герой нашего времени», «Двойник», «Слабое сердце»), являющееся маркером нарастающей экзистенции героя (в ситуации с Печориным, Лугиным, Ордыновым, Мечтателем). Категория случайности позволяет характеризовать и проследивать эволюционность сознаний героев, динамику их поисков и их изменения изнутри. Пробуждение процессов самосознания и рефлексии зачастую имеет случайное начало и характеризуется

беспокойством героев (ярче выражено в Лугине, Ордынове, Голядкине). Случайность у Достоевского эволюционирует до статуса мистического события (решения героев, принятые в лихорадочном состоянии: Ордынов, Вася Шумков), которое болезненно поражает сознание героя, оказавшегося неготовым к нему (частые состояния испуга и страха: Прохарчин, Голядкин).

«Диалектика души», лежащая в основе психологического анализа, основывается именно на идее случайности. В этом состоит уникальность подхода к психологическому анализу, предпринятому Лермонтовым и продолженному Достоевским, при котором процессы душевного прозрения героев порождаются существованием их в экстремальных состояниях, парадоксальных ситуациях.

В параграфе 3.3 **«Проблема поиска жанра у позднего Лермонтова и раннего Достоевского (“Штосс” и “Хозяйка”)**» выявляется разнообразие жанровых моделей, лежащих в основе жанрового феномена «Штосса» и «Хозяйки», и определение их роли в творческом диалоге писателей и в эпохальном процессе в целом. Сочетание элементов романтической поэтики с реалистическим повествованием (мотив петербургской «физиологии»), явившееся открытием позднего лермонтовского творчества, легло в основу поиска собственного художественного метода у раннего Достоевского. Этот процесс у обоих художников сопровождался возникновением так называемых жанровых сломов: петербургская поэма, сентиментальный роман, неизвестные мемуары, мордасовские летописи, сказка для детей.

Репрезентантами творческих поисков и жанровых сломов у позднего Лермонтова и раннего Достоевского выступают «Штосс» и «Хозяйка». Эти произведения дают зримое воплощение процесса синтеза, стремления к консолидации и монтажу форм и повествовательных стратегий. Опыт составления целого из частей в «Герое нашего времени» во многом определил направление дальнейшего поиска Лермонтова. Если роман явился своеобразным результатом творческого поиска (романное единство), то последний прозаический опыт Лермонтова – повесть «Штосс» – выступил в качестве репрезентанта процесса создания жанра-«ансамбля». «Хозяйка», как и «Штосс», основана на том же принципе синтетизма формы, во многом открывая пути для русской мениппеи.

Среди жанровых моделей, признаки которых наблюдаются как в «Штоссе», так и в «Хозяйке», можно выделить следующие: модель петербургской повести (Лермонтов в «Штоссе» предвосхитил некоторые задачи и приемы «натуральной школы», а также подход Достоевского к изображению Петербурга с точки зрения воспринимающего сознания героя-мечтателя), модель фантастической повести, модель новеллистического повествования. Отдельно рассматривается создание особой эмоционально-фантастической атмосферы, которая не только повлияла на изменение функциональных особенностей хронотопов, но и способствовала возникновению и реализации

балладной жанровой модели в «Штоссе» Лермонтова и модели «страшной повести» в «Хозяйке» Достоевского. Синтетизм этих повестей говорит о сложности изображаемого мира и неоднозначном образе человека в нем, что ставит проблему «героя времени», которая является определяющей для концепции русского романа как формы времени.

В четвертой главе **«Хронотоп как смыслообразующее и объединяющее начало в творческих парадигмах позднего Лермонтова и раннего Достоевского»** содержатся три параграфа, в которых рассматриваются хронотопические модели позднего Лермонтова и раннего Достоевского. Поэтика хронотопа в творческих системах двух писателей играет особую роль в определении индивидуальности их художественного мышления, в выражении состояния переходности, неустойчивости мира и человека на рубеже эпох. В качестве центральных феноменов с точки зрения пространства выделяется Петербургский текст, с точки зрения временных отношений – «минута».

В параграфе 4.1 **«Петербургский текст в творческом сознании позднего Лермонтова и раннего Достоевского»** отмечается вклад Лермонтова в оформление Петербургского текста и утверждается положение о том, что Лермонтов во многом предвосхитил Петербургский текст Достоевского, ставший репрезентантом всех смыслов этого феномена. Осмысление феномена Петербурга в творческом сознании Лермонтова и Достоевского привело не просто к созданию текста о нем, но выявило миромоделирующую функцию петербургского хронотопа. Петербург рассматривается со стороны его «физиологии» (город как таковой, место, где живут люди) и в качестве всеобъемлющей философской области (ментальное явление). Хронотопические особенности Петербурга у позднего Лермонтова и раннего Достоевского порождают состояние миражности, энтропии, что отвечает болезненному, лихорадочному состоянию героев и предсказывает парадоксальные повороты сюжетов («Штосс», «Белые ночи», «Хозяйка», «Слабое сердце» и др.). Проблемы осмысления петербургского хронотопа возникают в творчестве писателей не-петербуржцев: Достоевский и Лермонтов не «вышли» из этого пространства, а «вошли» в него, что способствовало формированию собственной концепции. При сходстве восприятия Петербурга Лермонтов и Достоевский дают ему разные статусы. «Глава и сердце России» для Лермонтова – Москва, наделенная душой. «Главой и сердцем России» для Достоевского является Петербург, способный отразить настоящий момент истории, несмотря на его враждебность и губительное влияние на человека.

Петербургский текст позднего Лермонтова («Княгиня Лиговская», «Штосс») и раннего Достоевского представляет собой эмоционально-насыщенную модель петербургского феномена. Зарисовки в духе «натуральной школы» осложняются введением психологического приема, обусловливаемого сознанием героя-художника/мечтателя, поставленного в ситуацию самоопределения.

Параграф 4.2 «**”Летописное” время как художественный прием**» посвящен проблеме «летописного» времени как репрезентанта сближения художественных миров позднего Лермонтова и раннего Достоевского. Достоевский выступает последователем Лермонтова в стремлении изобразить «летопись души». Летописное сосредоточение на фиксации мимолетного («тоска по текущему») порождало незавершенность текстов. Такие признаки «летописного» времени, как отсутствие единого времени (совмещение сразу нескольких временных потоков), «загроможденность» фактами и событиями, «суетность» истории, порожденная соединениями разных стилей и жанров, снимали необходимость обоснования причинно-следственных связей, а также полного понимания значения событий, что отражало переходность мира в 1830–1840-х гг. и состояние разрозненности жизни.

В параграфе 4.3 «**”Минута” как психологическая модель времени**» исследуется проблема психологического наполнения времени в текстах позднего Лермонтова и раннего Достоевского. Феномен «минуты», обозначив чрезвычайно остро проблему «безвременья», явился ключевой темпоральной моделью в творчестве как позднего Лермонтова, так и раннего Достоевского.

В творчестве позднего Лермонтова и раннего Достоевского временная модель «минута» доминирует над остальными. Значение феномена «минута» рассматривается с двух позиций: минута как отрезок времени и минута как психологическая модель времени. Как отрезок времени «минута» берет на себя функции центрирующего элемента. В ситуации тотального критицизма умов и отсутствия детерминистских связей, т.е. в эпоху «безвременья», «минута» выступает необходимым фокусирующим временным отрезком (ориентиром). Как психологическая модель «минута» наделяется высокой эмоциональной напряженностью и способствует фиксации психологического состояния героев. В связи с этим наиболее подходит для «решительных» или, как это определяет Достоевский, – «торжественных» моментов, в которые либо совершаются судьбоносные события, либо герой помещается в экзистенциальную ситуацию выбора. Отдельно выделяется и анализируется такое явление, как «та/эта минута».

В пятой главе «**Проблема героя в творческих системах позднего Лермонтова и раннего Достоевского**» анализируются процессы самосознания и прослеживается динамика рефлектирующего сознания героев позднего Лермонтова и раннего Достоевского. Отдельно исследуется проблема демонизма, явившегося репрезентантом преемственности двух систем.

В параграфе 5.1 «**Значение и роль феномена чужого “я” у позднего Лермонтова и раннего Достоевского**» рассматривается чужое «я» в творческих системах позднего Лермонтова и раннего Достоевского, выступающее в качестве важного элемента психологического анализа. Начало прозаических опытов Лермонтова было ознаменовано попытками внедрения чужого сознания в текст произведения, что во многом определило направление

творческих поисков Достоевского. Введение такого сознания позволяет осуществлять переход (хотя и болезненный, основанный на иллюзиях и галлюцинациях) к новой ценностной системе («аксиологическая шкала» В.Э. Вацуро), чего требовала и сама эпоха. Раннее творчество Достоевского характеризуется поисками своего героя и его психологии, подходы Достоевского к сменам аксиологических планов в повествовании, а также к открытию самосознания героя более соответствуют лермонтовской парадигме, чем его собственному зрелому полифонизму. «Диалектика души» сыграла ведущую роль на подступах к возникновению новой аксиологической системы и двойничества.

Значение феномена чужого «я» заключается в следующем: поиск альтернативной аксиологической шкалы определяется не только введением взаимоотношения «я-другой», но и созданием самосознающего героя; рефлексии героев Лермонтова и Достоевского отличаются друг от друга своей результативной направленностью, но одинаково основываются на чувстве страдания или порождают его (проблема суда над собственным «я» становится центральной для двух творческих систем); чужое «я» акцентирует проблему «недостаточности я» (Фейербах) – отсюда у страдающих и ищущих героев Лермонтова возникает потребность во внутреннем диалоге и появляется расщепленное сознание героев Достоевского, выраженное в риторических вопросах Ордынова, словах-оговорках Голядкина, макаронической речи Прохарчина; развитие рефлексии героя у Лермонтова и Достоевского приводит к объективации внутреннего «я» (в отношениях с чужим «я» лермонтовский герой обнаруживает собственное сильное субъективное начало и способен воспринимать себя как объект, т.е. оценивать себя как чужое «я» – Печорин; герой Достоевского позиционирует себя как объект в отношении к чужому «я», проверяет себя и свои поступки с точки зрения чужого «я» – Голядкин).

Параграф 5.2 «От демонизма Лермонтова к демонизму Достоевского» посвящен изучению развития традиции демонизма Лермонтова в творчестве раннего Достоевского. Демонизм Лермонтова явился житетворческой и мироиздательской категорией. В параграфе утверждается, что доминантные черты этого демонизма положили начало традиции демонизма в творчестве Достоевского, который в сложном процессе полемики перенимал и развивал лермонтовские открытия. Путь Лермонтова от редакции к редакции поэмы, к «Герою нашего времени» и «Сказке для детей» – это путь очеловечивания Демона. Перенос вечной борьбы добра и зла в душу героя стал главным условием процесса очеловечивания и обусловил трагедию сомнения демонической личности, не знающей середины, устремленной к крайностям.

Изучению проблемы предшествует анализ развития восприятия и трансформации демонического образа или силы в истории культуры и литературы с выделением ключевых моментов. В параграфе обозначаются случаи обращения Достоевского к Лермонтову и его наследию для определения

отношения Достоевского к демонизму. Продолжение традиции демонического начала в творчестве Достоевского прослеживается через выделение черт, характерных для демонизма Лермонтова. Через сближение с Лермонтовым Достоевский вписывается в парадигму развития образа демона в русской литературе (В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь).

Вышедший из мифа Демон Лермонтова у Достоевского, однако, как миф не существует. Сближающим моментом демонизма Лермонтова и Достоевского является очеловеченная природа, опирающаяся на категорию сомнения как ключевую для демонизма. Ранним героям Достоевского ничто демоническое не чуждо: душевный хаос, беспокойство, постоянные колебания, двойничество, «странные» мысли и поступки, граничащие порой с инфернальным, демоническая отчужденность и несовпадение с остальным обществом, которым страдали лермонтовские герои и он сам, эгоизм и исключительность героя. Отдельно выделяются демонические «нашептывания» героев Лермонтова (в «Демоне», «Штоссе») и Достоевского (в «Хозяйке», «Двойнике») – как демонстрация завершения процесса вочеловечивания демона, который обернулся не просто переходом во внутренний мир человека, но воплотился во внутреннем голосе героя. Через такую интериоризацию осуществляется переход от «моего демона» к своему внутреннему черту.

Природа демонизма Достоевского заключается в осмыслении как философско-психологического комплекса, так и антропологического. Продолжая традицию Лермонтова, Достоевский проникает в самую внутреннюю жизнь человека. Демон Достоевского не просто спускается на землю, в мир фантастического Петербурга, не только очеловечивается и демократизируется, но предстает со своей сокровенной стороны, не прячась под масками. Созданный Достоевским демонический образ, в общей системе фантастического реализма 1840–1850-х гг. становится «идеей и формой времени». Психологизация таких героев через пробуждение в них внутренних голосов расширяет само пространство души и способствует зарождению нового романного героя.

В параграфе 5.3 «Категория сомнения» рассматривается проблема соотношения творческих систем Лермонтова и раннего Достоевского на основе выделения категории сомнения, центральной на рубеже веков, определяющей переходность мира 1830–1840-х гг. и состояние тотального критицизма умов. Категория сомнения, выступая репрезентантом сближения двух художественных миров, исследуется с содержательной и формальной сторон. С точки зрения нарративного аспекта категория сомнения определяет комбинаторику сюжетных рядов в произведениях обоих писателей, являясь при этом способом психологического наполнения текстов и замедления повествования. Всё это в ряде текстов порождает монтаж частей и возникновение риторических вопросов (что-с?), усиливающих сомнение.

Как центральная философская проблема эпохи категория сомнения породила разработку новых типов сознания и появление приемов психологизации, что повлекло за собой изменения героя и переходы от сомнения (Демон Лермонтова положил начало ряду героев, «сомневающих во всем») через нерешительность к состоянию безысходности (Лугин, Ордынцов) и осознанию собственного бессилия совершить что-либо, сделать выбор. Демонизм сознания обусловил необходимость процессов самосознания. Лермонтовский Демон и «герой нашего времени», Лугин как человек судьбы и тупиковой ситуации проложили дорогу героям раннего Достоевского. Их экзистенциальная философия формирует особый психологический тип сомневающегося, раздвоенного сознания. Двойничество и амбивалентность ранних героев Достоевского, сомнения в идентичности сознания обусловили возникновение «диалектики души», идущей от традиции Лермонтова и генетически связанной с диалогизацией сознания, но обозначившей себя новыми характерными чертами психологического анализа Достоевского.

В заключении подведены итоги и намечены перспективы дальнейшего исследования темы.

Заявленная в названии настоящего диссертационного исследования проблема определяется характером эволюционности и многоаспектности соотношения творческих систем позднего Лермонтова и раннего Достоевского. Рассмотрение преемственности и полемики двух художественных миров, отразивших кризисную ситуацию эпохи 1830–1840-х гг., позволило: определить индивидуальность творческого мышления позднего Лермонтова и раннего Достоевского; конкретизировать момент перелома в литературе на разных уровнях; выявить значимые результаты одного периода русской литературы и раскрыть новый взгляд на человека, мир и способы их изображения на последующем этапе.

Обращение к данной проблеме предполагает не только выделение значимых уровней сравнительного анализа: формального (исследование нарративных стратегий, жанрового своеобразия, хронологических моделей) и содержательного (исследование ключевых философско-психологических категорий и явлений, демонстрирующих черты сознания «героев времени» и определяющих своеобразие творческих систем), но и изучение истории и особенностей рецепции одного художника другим. Широкие перспективы открывает как дальнейшее исследование данного вопроса в отношении Лермонтова и Достоевского (например, с привлечением стихотворного наследия Лермонтова и поздних романов Достоевского), так и постановка проблемы соотношения творческих парадигм в русской литературе для изучения на макроуровнях. Достаточно вспомнить о связях художественных миров позднего Пушкина и раннего Лермонтова, позднего Толстого и Чехова, позднего Толстого и раннего Короленко. Рассмотрение и осмысление указанных творческих связей русской литературы ждет своего исследователя.

После списка использованных источников и литературы помещены **три приложения**. При создании приложений преследовалась цель эксплицитно представить сопоставление двух художественных систем на основе выделения конкретных точек соприкосновения и сопровождать их репрезентативными цитатами из самих произведений позднего Лермонтова и раннего Достоевского. В **приложении А** дана таблица, содержащая разные проявления категории случайности в текстах позднего Лермонтова и раннего Достоевского. В **приложении Б** последовательно обозначены формы и функции «минуты», являющейся центральным феноменом временных отношений у позднего Лермонтова и раннего Достоевского. **Приложение В** представляет собой таблицу, демонстрирующую эксплицитные проявления категории сомнения в творчестве позднего Лермонтова и раннего Достоевского на основе выделения обобщающих оснований, определяющих характер функционирования категории сомнения в исследуемых произведениях.

Работы, опубликованные по теме диссертации

Статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

1. Храброва А. В. «Вдруг – это открытие»: категория случайности в творческой системе позднего Лермонтова и раннего Достоевского / А. В. Храброва // Сибирский филологический журнал. – 2016. – № 2. – С. 16–20. – DOI: 10.17223/18137083/55/3. – 0,58 п.л.

2. Храброва А. В. Проблема соотношения творческих систем Лермонтова и раннего Достоевского: категория сомнения как репрезентант / А. В. Храброва // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2016. – № 3 (168). – С. 121–125. – 0,5 п.л.

3. Храброва А. В. Монтаж как особенность повествования в прозе позднего Лермонтова и раннего Достоевского / А. В. Храброва // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 378. – С. 49–52. – 0,46 п.л.

4. Храброва А. В. Поиск жанра в повестях «Штосс» и «Хозяйка»: к проблеме творческого взаимодействия позднего Лермонтова и раннего Достоевского / А. В. Храброва // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 366. – С. 16–19. – 0,46 п.л.

Публикации в других научных изданиях:

5. Храброва А. В. Поздний Лермонтов и ранний Достоевский: «минута» как психологическая модель времени / А. В. Храброва // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сборник материалов III (XVII) Международной конференции молодых ученых Томск, 18–23 апреля 2016 г. – Томск, 2016. – Вып. 17. – С. 415–420. – 0,29 п.л.

6. Храброва А. В. Чужое «я» в текстах позднего Лермонтова и раннего Достоевского / А. В. Храброва // 54-я международная научная студенческая конференция (МНСК-2016) : материалы конференции: Литературоведение. Новосибирск, 16–20 апреля 2016 г. – Новосибирск, 2016. – С. 37–38. – 0,11 п.л.

7. Храброва А. В. «Летописное» время как художественный прием в творческой системе Лермонтова и раннего Достоевского / А. В. Храброва // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сборник материалов I (XVI) Международной конференции молодых ученых. Томск, 09–11 апреля 2015 г. – Томск, 2015. – Вып. 16. – С. 245–250. – 0,29 п.л.

8. Храброва А. В. Категория сомнения в творческой системе Лермонтова и раннего Достоевского / А. В. Храброва // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : материалы I (XV) Международной конференции молодых ученых. Томск, 03–05 апреля 2014 г. – Томск, 2014. – Вып. 15, т. 2 : Литературоведение. – С. 115–118. – 0,19 п.л.

9. Храброва А. В. Монтаж как особенность повествования в прозе раннего Достоевского / А. В. Храброва // Студент и научно-технический прогресс : материалы 51-й международной научной студенческой конференции : Литературоведение. Новосибирск, 12–18 апреля 2013 г. – Новосибирск, 2013. – С. 30–31. – 0,11 п.л.

10. Храброва А. В. «Случай» в творчестве позднего Лермонтова и раннего Достоевского / А. В. Храброва // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : материалы XIV Всероссийской конференции молодых ученых, посвященной 135-летию Томского государственного университета. Томск, 04–06 апреля 2013 г. – Томск, 2013. – Вып. 14, т. 2 : Литературоведение и издательское дело. – С. 80–83. – 0,19 п.л.

11. Храброва А. В. Петербургский текст в творческом сознании позднего Лермонтова и раннего Достоевского / А. В. Храброва // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики : материалы конференции молодых ученых. Томск, 05–07 апреля 2012 г. – Томск, 2012. – Вып. 13, т. 2 : Литературоведение и издательское дело. – С. 236–239. – 0,19 п.л.

12. Храброва А. В. Своеобразие хронотопа в повести М.Ю. Лермонтова «Штосс» / А. В. Храброва // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики : материалы конференции молодых ученых. Томск, 01 апреля 2011 г. – Томск, 2011. – Вып. 12, т. 2 : Литературоведение и издательское дело. – С. 263–265. – 0,19 п.л.

Издание подготовлено в авторской редакции.
Отпечатано на участке цифровой печати
Издательского Дома Томского государственного университета
Заказ № 27-0417 от «26» апреля 2017 г. Тираж 100 экз.
г. Томск Московский тр.8 тел. 53-15-28